

Отечественная история

УДК 94 (470)”1917”

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-4-157-172

А БЫЛ ЛИ ЗАГОВОР? К ПРЕДЫСТОРИИ ВЕЛИКОЙ РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Аксютин Ю.В., Соловьев Я.В.

Московский государственный областной университет

141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24,

Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается концепция заговора как основы событий Февраля 1917 г. Авторы доказывают несостоятельность аргументов сторонников версии о заговоре, приведшем к крушению монархии. Для этого они используют методы источниковедческого анализа, метод исторической реконструкции. Авторы фиксируют состояние общественного психоза на рубеже 1916–1917 гг., что способствовало слухам о подготовке заговора. Авторы приходят к выводу, что заговор не успел организационно сложиться, и события 1917 г. были результатом стихийного народного выступления.

Ключевые слова: заговор, дворцовый переворот, масоны, Февральская революция.

WAS THERE A PLOT? ON THE PREHISTORY OF THE GREAT RUSSIAN REVOLUTION

Yu. Aksyutin, Y. Soloviev

Moscow Region State University

24, Vera Voloshina ul., Mytishchi, 141014, Moscow Region, Russian Federation

Abstract. The article discusses the concept of conspiracy as the basis for the events of February 1917. The authors prove the failure of the arguments of those who supported the version of the plot that led to the collapse of the monarchy. The methods of the source analysis and historical reconstruction are used to prove it. The authors state there was social psychosis at the turn of 1916-1917, which contributed to the rumors about the preparation of the conspiracy. The authors conclude that there was not enough time to organize the plot properly, so the events of 1917 were the result of spontaneous popular action.

Key words: conspiracy, palace coup, Freemasons, February revolution.

Фридриху Энгельсу принадлежат следующие слова «Люди, хвалившиеся тем, что сделали революцию, всегда убеждались на другой день, что они не знали, что делали, что сделанная ими революция совсем не похожа на ту, которую они хотели сделать. Это то, что Гегель называл иронией истории, той иронией, которой избежали не многие исторические деятели» [12, с. 263]. Слова эти и Гегель, трактуя «хитрости мирового разума», и вслед за ним Энгельс целиком относили к деятелям Великой французской революции. На их примере показывали, как цели человеческих усилий радикально не совпадают с полученными результатами. Можно то же самое сказать и о Великой русской революции? Вполне. Чтобы объяснить подобный парадокс, не очень-то подходят такие привычные для историка инструменты познания прошлого, как социально-экономический (классовый, формационный) подход, социокультурный (цивилизационный, теории модернизации и элит) и социо-психологический (индивид и толпа, когнитивный диссонанс, диффузия ответственности или так называемый эффект свидетеля) методы, систематика и математическое моделирование. Кажется, гораздо проще и потому, вроде бы, яснее толкование с помощью конспирологии, теории заговоров. Последняя очень популярна не только среди обывателей (40% россиян верят в «тайное правительство»), но и некоторой части людей, претендующих на то, чтобы их считали знающими специалистами. Она привлекательна для тех и других тем, что претендует на то, чтобы легко и ясно объяснить сложнейшие исторические процессы.

Кто развалил СССР? Ну конечно ЦРУ и его агенты... Кто виноват в крахе, постигшем Россию сто лет тому назад? Ну конечно Ленин, получивший 50 миллионов марок от германского Генерального штаба, и Троцкий, субсидируемый Шиффом – американским банкиром германо-еврейского происхождения и стоявшие за их спиной масоны.

Формирование теории масонского заговора против императорской России прекрасно рассмотрено в статье В.Э. Багдасаряна и С.И. Реснянского, в которой авторы отмечают, что фактически эта концепция «вошла в идеологию правомонархических организаций, отражая состояние мировоззренческого кризиса в условиях трансформации власти» [1, с. 14].

Но и сейчас, по убеждению некоторых упёртых конспирологов, за всеми бедами России стоят «жидо-масонская мафия» и борьба за мировое господство между банкирскими домами евреев Ротшильдов и Рокфеллеров [23]. Что с них спрашивать, если в основе их доводов и аргументов лежат явные фальсификации вроде «Протоколов сионских мудрецов» [20] или домыслы, согласно коим старообрядец Гучков оказывается всего на всего иудеем Лурье.

Но версия масонского заговора живёт не только на страницах откровенно желтой публицистики. К ее развитию приложили усилия и многие историки и околоисторические публицисты, претендующие на это звание. Еще в 1931 г. о существовании масонского заговора заявил историк-эмигрант С.П. Мельгунов [13]. О роли масонов в событиях 1917 г. заговорила как эмигрантская, так и западная историогра-

фия. В советской историографии эта тема была поднята Н.Н. Яковлевым. Следует отметить, что в отличие от Яковлева некоторые советские историки (например, А.Я. Аврех, В.И. Старцев), не отрицая важной политической роли масонских связей в событиях 1917 г., отвергали факт масонского заговора как такого.

В 2000 г. вышла книга историка В.С. Брачева «Русское масонство XX века» [5], в которой доказывалась идея заговора под началом масонского «Великого Востока Народов России». Эта организация стояла за спиной А.И. Гучкова, который, при поддержке стран Антанты, объединил против императора Николая II либеральную оппозицию, великих князей и генералитет. Эту версию активно поддерживает П.В. Мультиатули [14; 15].

Прямым доказательством этого заговора считаются показания самого Гучкова при допросе в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства 6 августа 1917 г., в которых он говорил о том, что с конца 1916 г. существовал план, который «заключался в том (я только имен не буду называть), чтобы захватить, по дороге между ставкой и Царским Селом, императорский поезд, вынудить отречение, затем одновременно, при посредстве воинских частей, на которые здесь, в Петрограде, можно было рассчитывать, арестовать существующее правительство и затем уже объявить как о перевороте, так и о лицах, которые возглавят собою правительство» [17, с. 278]. Естественно, что совпадение описываемого плана с событиями 1–2 марта 1917 г. столь поразительно, что заставляет некоторых думать, будто план был реализован.

Его реализация была возможна только при условии активного участия военной верхушки. Ее союз с Гучковым (которому, якобы, способствовали их общие масонские связи) стал залогом успеха заговорщиков, по мнению В.С. Брачева и П.В. Мультиатули. По версии сторонников «генеральского заговора», начальник штаба Главковерха М.В. Алексеев выманил императора Николая II в Ставку, тогда как заговорщики в Петрограде создавали условия для «хлебного бунта». Генерал Н.В. Рузский, в зоне ответственности которого оказался царский поезд 2 марта, довершил дело, вынудив царя отречься.

Доказательств, кроме откровений самого Гучкова, приводится много: совпадение, почти дословное, изложенного Гучковым при допросе плана с воспоминаниями А.И. Деникина; свидетельства в воспоминаниях разных лиц о действиях Гучкова по привлечению в заговор; подозрительное поведение М.В. Алексева, за целых три месяца до намечаемого наступления призывавшего срочно царя в Ставку для его разработки. И ключевую роль отводят показаниям левого кадета и видного масона Н.В. Некрасова об устроенной масонами «ловушке» для императорского поезда, данные им ОГПУ в 1921 г. и НКВД в 1939 г. [10].

П.В. Мультиатули в доказательство версии об активном участии в заговоре генеральской верхушки приводит слова, якобы сказанные одним из приехавших с фронта в Петроград незадолго до Февраля 1917 г. генералов: *«Времени терять нельзя. Настроение в армии такое, что все с радостью будут приветствовать известие о перевороте... Если вы решитесь на эту*

крайнюю меру, то мы вас поддержим». Да, конечно, эти слова можно истолковать как обещание поддержки армии в совершении переворота. Но говорил то генерал (если говорил) об этом открыто. Что-то не очень похоже на заговор.

По нашему мнению, типичными чертами сложившегося политического заговора, направленного на захват власти, можно считать наличие сплоченной группы единомышленников, готовых к конкретным действиям, противоречащим закону или сложившейся политической традиции, подготовивших механизм осуществления данных действий и сохраняющими до момента выступления свои намерения и действия в тайне (подчеркнем, что даем характеристики исторического явления, а не юридическое, где сам факт незаконного сговора против начальства считается заговором). Только совокупность указанных нами черт позволяет говорить о сформировавшемся заговоре, а не о заговорщических намерениях (сговоре).

Видим ли мы эти черты в ситуации конца 1916 – начала 1917 г.?

Да, о перевороте тогда говорили многие. И ни для кого их речи не были секретом.

Вот что доносил чиновник по особым поручениям при председателе Совета министров и заведующий министерским павильоном в Таврическом дворце (местопребывании Государственной думы) Л.К. Куманин о выступлении (можно сказать, открыто) кадетского депутата Н.В. Некрасова перед своими однопартийцами в Москве 7 января 1917 г. по вопросу о борьбе с правительством. Обвинив правительство в том, что оно в насто-

ящий момент является «единственным революционным деятелем» и назвав «успех его революционной пропаганды» грандиозным, Некрасов сказал: «Больше всего мы должны бояться быть уловленными в сети правительственной провокации, которая явно стремится вызвать нас на решительный бой... В предстоящих России испытаниях мы не выступим в роли революционеров-разрушителей. Пока возможна только парламентская борьба и вся её возможность будет исчерпана нами до конца...» При этом Некрасов предупреждал: «Если же Думу совершенно разгонят, то это станет осиновым колом для правительства...» Помета «Измена», сделанная против одного из абзацев донесения, свидетельствует о том, как оценили его содержание те, кому оно было предназначено [8, с. 5–7].

Но что сделали для того, чтобы не дать случиться этой «измене»? Да ничего. И наверно потому, что всё более и более сознавали, что «измена» коренится не только среди революционеров, не только среди кадетов и интеллигенции, но и повсюду.

Таковыми «изменщиками», как Некрасов, ощущали себя многие видные государственные, политические и общественные деятели того времени. Впоследствии часть из них оставила воспоминания, в которых волей-неволей преувеличивали и степень своей оппозиционности и вовлеченности в политические процессы, что создает для сторонников теории заговора богатую почву для спекуляций.

Минский губернатор кн. В.А. Друцкой-Соколинский вспоминал: «Все роптали, все сетовали, все негодовали, и, главное, все сплетничали, и все злос-

ловили. Меня, как свежего человека, поразило то обстоятельство, что в петербургском обществе конца 1916 года исчезли совершенно сдерживающие начала, исчезли те верхи, которые до сего времени считались недоступными, не подлежащими критике. Мне думается, что к этому времени все нравственные пределы и границы были утрачены. Была общая разнузданность мнений, слов, выражений и, пожалуй, чувств» [9, с. 192].

Тревожные настроения охватили правительственную среду. 4 декабря Друцкой-Соколинский обедал со своим старинным другом – председателем Совета министров (с 10 ноября по 27 декабря 1916 г.) А.Ф. Треповым, который мрачно пророчествовал: «Недовольство общее. Союзники, видя происходящее, опасаются за исход войны, и кто знает, не вмешаются ли они тем или иным путем в наши дела с целью закрепить наше обязательное участие в войне. Уставшее общество, наблюдая творящееся, утратило веру в способность государя и правительства довести войну до победного конца и улучшить экономическое положение страны. Все кричит, волнуется... Хорошо! Вы говорите, что народ никогда не встанет на революционный путь, что на местах всегда хватит сил и возможностей удержать его в пределах порядка. Я тоже думаю, что это так, но за народ скажут и будут действовать другие. Народ и не спросят. А сможет ли власть, находящаяся уже теперь в полупараличе, сдерживать натиск и найти в себе силу сопротивления?» Друцкой-Соколинский далее подчеркивает: «У себя в английском клубе, куда я отправился закончить вечер, услышал, по существу, те же речи, ска-

занные лишь в более мягких тонах» [9, с. 194].

Нервозная обстановка рубежа 1916–1917 гг. очень способствовала распространению слухов о зреющем заговоре. Можно сказать так: запрос на заговор в общественной среде был столь велик, что в его отсутствие просто не хотелось верить. Этому послужило и убийство Г.Е. Распутина, в основе которого лежал пусть очень узкий по числу участников и крайне любительский и незрелый, но заговор. Недаром тот же В.А. Друцкой-Соколинский в своих записках отметит, что «узнав об убийстве Распутина, узнав имена убийц и, наконец, исход дела, его развязку, я убежденно сказал, что это подготовка дворцового переворота» [9, с. 208].

Ожидали продолжения, и недаром. В политических кругах столицы стали циркулировать слухи о совершенном якобы покушении на императрицу Александру Фёдоровну. Сам факт появления такого слуха в правых кругах расценивался, хотя и лишённым достоверности, но «чрезвычайно грозным симптомом создавшихся общественных настроений» [8, с. 8].

Настроений, но не действий. Хранитель Императорского исторического музея А.В. Орешников, фиксируя в дневнике, что «в обществе говорят о готовящемся каком-то дворцовом перевороте; рассказывают про убийство министра двора Фредерикса», делал такое замечание: «По-видимому, все рассказы – результат расстроенных нервов» [16, с. 100].

Подобное ощущение было и у бывавшего 2-6 января в Петрограде военного врача В.П. Кравкова, отмечавшего в дневнике: «По адресу “тем-

ных сил” и творящегося озорства в сферах все настроены возбужденно и озлобленно, можно сказать – революционно. Жаждают с нетерпением все *дворцового переворота* (курсив наш. – Ю.А., Я.С.)». Кравков приходит к мнению: «Каждый негодующий ходит пока лишь с кукишем в кармане, без особенного желания проявить свою волю к действию, и надеется, что всё, что нужно, сделает за него кто-то другой, а не сам он» [11, с. 282–283].

Итак, разговоров о намерениях было много, они зафиксированы в многочисленных дневниках и воспоминаниях. Но сам факт широкого распространения сведений о подготовке заговора ставит вопрос о том, был ли это заговор или это было пока зондирование почвы и, одновременно, последнее средство давления на власть, попытка запугать её самой возможностью заговора и переворота. Между тем изучение всего комплекса свидетельств о «заговорщических разговорах» создает впечатление отсутствия какого-либо заговорщического центра. Да, постоянно мелькает Гучков, но инициатива исходит и от множества других, не связанных с ним или с «Великим Востоком Народов России» личностей.

В России сформировалась ситуация общественной истерии, в которой соединились страх перед надвигающейся катастрофой и сладостное ожидание теми, кто считал её очистительным для России средством.

Услышав уверения читавшего у неё свои новые стихи К.Д. Бальмонта, что «мы накануне “*coup d'état*”», то есть государственного переворота, писательница Рашель Гольдовская посчитала это «пророчество» отражени-

ем тревожной обстановки: «Живём в какой-то эпидемической неврастении. Сплетни, слухи, догадки и напряжённое ожидание неминуемой катастрофы. Это ожидание: вот-вот!.. завтра! а может быть, сегодня!.. может быть, уже разразилось, только ещё не дошло до нас – парализует всякую деятельность... С “фронтов” все приезжают злые и возмущенные. Мужики проклинаят войну. В городах бессовестная дороговизна. Эти “хвосты”, которые по часам дежурят у лавок, чтобы добыть мясо, хлеб, сахар, – страшно ожесточают городское население. Стоят, мерзнут и, чтобы облегчить душу, – ругаются. Совсем исчезло чувство страха, этот исторический русский тормоз. В трамваях, на улицах, в вагонах, театрах, гостиных – все громко ругают правительство и все ждут... переворота как чего-то неизбежного». Но сама она тем не менее не верила в русскую революцию: «Не верю и ещё больше боюсь её. Будут бунты и будет расправа» [25, с. 572–573].

Не все, правда, разделяли этот, казался бы, «общий психоз». Так, профессор истории Московского университета М.М. Богословский, побывав у издателя и книгопродавца А.А. Карцева и наглядно увидев, насколько вся его семья настроена революционно, назвал близорукими выслушанные там политические резолюции и комментарии к ним, сопровождаемые высказыванием надежд на переворот. «Ослепление состоит в том, что кажется, что введи ответственное министерство – и вот устранился продовольственный кризис, и мы будем одерживать победы. Наивно! А сколько лжи и клеветы! Не понимают, что революции в цивилизованных странах проходят по ци-

вильзованному, как в 1688 г. или 1830. А ведь у нас политическая революция, как в 1905, повлечёт за собой экспроприации, разбои и грабежи, потому что мы ещё не цивилизованная страна, а казацкий круг Разина или Пугачева. У нас и революция возможна только в формах Разиновщины или Пугачевщины» [4, с. 146].

Однако еще раз оговоримся – факт психоза, связанного с требованием перемен, еще не означает факта заговора.

Для многих деятелей культуры, особенно людей, не ослеплённых партийными догмами и шовинистическим угаром, охватившим толпу, одно было ясно: война для России, при её тогдашнем социально-экономическом и политическом положении, не может завершиться естественно; раньше конца её будет революция. Это предчувствие разделяли многие.

Фёдор Степун в письме к жене, комментируя полученный у них недавно в бригаде приказ стрелять по своим, если солдаты будут отступать без приказа, сетовал: «Все это свидетельствует о такой степени падения пресловутого духа русской армии, при которой продолжение войны становится почти что невозможным». На этом фоне, читая журналы и газеты, «получаешь впечатление полной утраты нашей интеллигенцией всякой свободы мнения, страшной штампованности мыслей и слов, поголовного лицемерия и поголовного исповедания готтентотской морали». Мы «виним во всём одно правительство и думаем, что, свалив Николая, немедленно исцелим Россию от всех бед и напастей». Не уверенный в том, прав ли он, но иной раз, «внутренне созерцая Россию и всю накопившуюся в ней ложь», Степун решительно

не представлял себе, «как мы доведём войну не до победного, конечно, но хотя бы до не стыдного, приличного мира» [23, с. 173–174].

«Что принесёт наступающий год? – спрашивал себя художник А.Н. Бенуа. – Только бы принёс мир, а остальное приложится. А для того, чтобы был мир, нужно, чтоб люди образумились, чтоб возникла и развилась “воля к миру”... С другой стороны, глупость человеческая безгранична, всесильна, и весьма возможно, что мы так и докатимся до общего разорения и катаклизма!» [2, с. 75].

Своё разочарование тем, какой оборот приняла война, первоначально им приветствовавшаяся, пытался выразить Валерий Брюсов: «Тридцатый месяц, Смерть и Голод, / бродя, стучат у всех дверей: / клеймят, кто стар, клеймят, кто молод, / детей в объятьях матерей! / Тридцатый месяц, бог Европы, / Свободный Труд – порабощён; / он роет для Войны окопы, / для Смерти льёт снаряды он! / Призывы светлые забыты / первоначальных дней борьбы, / в лесах грызутся троглодиты / под барабан и зов трубы!» [6, с. 156].

Поэты вообще более тонко чувствовали обстановку. Вольноопределяющийся табельщик в 13-й инженерно-строительной дружине Всероссийского союза земств и городов Александр Блок в январской книжке «Русской мысли» опубликовал первую главу своей так и не завершённой эпической поэмы «Возмездие». В прологе к ней он говорил о том, насколько страшно для него грядущее, с тоскою отмечая: «Над нашим станом, / как встарь, повита даль туманом, / и пахнет гарью. Там – пожар». И уже в первой главе, упомянув такие не-

давние «пророчества о нашем дне», как Тунгусский метеорит («кометы грозной и хвостатой ужасный призрак в вышине»), «безжалостный конец Мессины», разрушенной в результате землетрясения, «и первый взлёт аэроплана в пустыню неизвестных сфер», следующим образом излагал своё видение XX в.: «И отвращение от жизни, / и к ней великая любовь, / и страсть и ненависть к отчизне... / И чёрная земная кровь / сулит нам, раздувая вены, / все разрушая рубежи, неслыханные перемены, / невиданные мятежи» [3, с. 6–9].

Другой поэт – тоже вольноопределяющийся, гусарский прапорщик и георгиевский кавалер Николай Гумилёв – в опубликованной там же драматической поэме «Гондла», говоря, казалось бы, о прошлом, вещает будущее: «Наступили тяжёлые годы, / как утратили мы короля / и за призраком лёгкой свободы / погналась неразумно земля» [7].

И тем не менее, если такие люди, как он, провидчески предупреждали о неразумности погони за призраком лёгкой свободы, подавляющее большинство тогдашней образованной публики именно об этом и мечтало, а потому с такой восприимчивостью относилось ко всякого рода слухам о грядущих переменах.

Вспоминая потом, как «передовая общественность» грезилась идеей верхушечного переворота, о том, что мысль принудить царя к отречению упорно проводилась в Петрограде в конце 1916 и в начале 1917 г., председатель Государственной думы М.В. Родзянко писал не без иронии: «Ко мне неоднократно и с разных сторон обращались представители высшего общества с за-

явлением, что Дума и её председатель обязаны взять на себя эту ответственность перед страной и спасти армию и Россию... Многие при этом были совершенно искренне убеждены, что я подготавливаю переворот и что мне в этом помогают многие гвардейские офицеры и английский посол Бьюкенен» [21, с. 207].

В возможность такого варианта развития событий верили в правительственной среде. «Готовой ячейкой для организации офицеров привилегированных полков» назван в одном из донесений из Таврического дворца салон графини Шереметьевой, которая и раньше слыла за «либеральную даму», а теперь сблизившуюся с Родзянкой, убедившим её в том, что «цепляться за отжившее бесполезно», что «старый строй оскандалил себя» и что «для спасения России необходимо содействовать скорейшей перемене строя», а чтобы эта перемена совершилась для государства безболезненно и бескровно, якобы, предложил ей воздействовать на посещающих её салон гвардейских офицеров, которые, по его словам, и без того достаточно «подготовлены». По его плану, если на верхах гвардейской молодежи обнаружится определенная тенденция, то «мягкий и добрый государь сам сверху дарует начала подлинного представительного строя и спасет Россию от кровавой революции» [8, с. 17–18].

Правда, спустя несколько дней следует успокоительное донесение: «Слухи о заговоре и чуть ли не декабристских кружках в среде офицеров гвардейской кавалерии фактического подтверждения не встречают. “Политических дам”, вокруг которых группировались бы такие салоны, среди офицерских жен

Кавалергардского и Лейб-гусарского полков – нет». Да, офицеры этих полков «несколько будируют на разруху, непорядки и на Царское Село», полагая что убийством Распутина не исчерпаны вредные влияния. «Тяжело на них отражается и долгое отсутствие побед. Они, как сами выражаются, “закисли”... Но тем не менее решительно нет никаких данных, что в полках гвардейской кавалерии созревает какой-то заговор и подготовляются какие-то кровавые акты» [8, с. 21].

Для понимания ситуации вокруг слухов о заговоре надо подчеркнуть, что лидеры либеральной оппозиции сознательно плодили эти слухи и «раскачивали лодку». Этим они сразу добивались нескольких целей: 1) дальше дискредитировали царскую власть, доказывая её всеобщую непопулярность и неспособность противостоять такому открытому шантажу; 2) расширяли число своих приверженцев в высших кругах, через разговоры о заговоре выявляя позиции генералов и чиновников; 3) зондировали почву для выяснения возможности заговора. Причем последняя цель если и была присуща Гучкову и еще нескольким активным противникам Николая II, то далеко не преследовалась большинством участников этой масштабной PR-акции.

Есть многочисленные свидетельства, что даже в начале 1917 г. либеральная верхушка с примкнувшими к ним националистами ставила вопрос только об ответственном министерстве, грозя переворотом (причем подготовленным в какой-то иной среде) лишь в случае разгона Думы.

12 января 1917 г. в газетах появилось сообщение о том, что на днях в Москве состоялись частные совеща-

ния общественно-политических прогрессивных деятелей. Участвовали депутаты Государственной думы кадеты П.Н. Милюков, В.А. Маклаков, М.М. Новиков, прогрессист А.И. Коновалов, а также руководители Земского и Городского союзов князь Г.Е. Львов с М.В. Челноковым (московским городским головою) и члены Военно-промышленного комитета. Главным вопросом стал выбор лица, который возглавит будущее правительство и которому общество «могло бы отдать своё доверие и симпатии». Единогласно такой кандидатурой был определен Г.Е. Львов. Милюкову поручено поднять этот вопрос на ближайшем заседании Прогрессивного блока [22].

Но был ли этот своего рода рейтинговый сговор заговором или хотя бы составной его частью? В любом толковом словаре «заговор» определяется как тайное соглашение. А чего тайного было на «частных совещаниях» в Москве? Ведь содержание происходивших там бесед ни для кого не было секретом, как не было секретом для власти требование «ответственного министерства». Как не было секретом уже откровенно вызывающее поведение «заговорщиков», таких, как Родзянко, 1 января 1917 г. на торжественном приеме в Большом зале Царскосельского дворца демонстративно отказавшегося пожать протянутую министром внутренних дел А.Д. Протопоповым руку, и публично об этом сообщившего в Думе (сорвав аплодисменты присутствующих) [8, с. 12]. Если бы Родзянко был заговорщиком, навряд ли бы он вёл себя столь вызывающе, демонстративно подыгрывая публике, недовольной царскими министрами и царским окружением.

Даже лидеры кадетской партии, уже представлявшей непримиримую оппозицию власти, хотя и говорили о наличии признаков готовившегося переворота, всячески не желали такой перспективы для страны. В записке князя П.Д. Долгорукого, содержание которой стало известно А.Д. Протопопову, говорилось о том, что в случае отказа императора от введения ответственного министерства «перед нами, судя по последним настроениям семьи Романовых, встаёт грозная опасность дворцового переворота со стороны людей, не желающих быть под началом истеричной, но более сильной, чем государь, женщины». Но такой переворот «не только нежелателен, а скорее гибелен для России», так как среди Романовых нет никого, кто мог бы заменить царя, стать «общепризнанным преемником монархической власти на русском престоле», а потому «заставит нас, убежденных конституционных монархистов, встать на сторону республиканского строя» [8, с. 10–11].

Как видно из этих строк, никакой смычки либеральной оппозиции и оппозиции великокняжеской не наблюдалось. Но перспектива великокняжеского заговора виделась современникам наиболее вероятной, и если автору записки и его однопартийцам не нравилась возможность вмешательства в политические процессы «других Романовых», то для немалой части населения именно такой выход представлялся желательным и возможным. Века самодержавного правления давили на общественную психологию: если царь плох, то лучше, если этот вопрос будет решен семейно, внутри царствующей династии, без общественного вмешательства. Иначе ведь бунт, «бес-

смысленный и беспощадный». «Речь шла о заговоре в стиле дворцового переворота XVIII столетия» [13, с. 102].

И эти ожидания, казалось бы, имели все основания. В среде родственников царя разговоры о необходимости что-то предпринять перерастали во что-то, что можно считать уже сговором. Не без участия некоторых из них, а вполне может статься, что и по инициативе кого-то из них старый корреспондент Николая II, отставной чиновник, экономист, агроном А.А. Клопов после полторачасовой беседы с ним, состоявшейся 29 января, направил государю два письма, из которых следует, что он говорил не только об «ответственном правительстве», но и рекомендовал поставить во главе его князя Львова и что император слушал его довольно благосклонно. В последнем своём послании, написанном 13 февраля, накануне открытия очередной сессии Государственной думы, предлагая в оппозиции видеть оппозицию его величества, а не оппозицию его величеству, он взывал: «Дорогой государь, послушайте вашего сердца и без советников, по внутреннему побуждению, по божьему, раскройте ваше сердце России... Идите с Думой, а не против неё. Идите в Думу и объясните, что вы с ней и в знак доверия к стране дайте ей то правительство, которому она верит, которое будет ответственно перед царём и народом. Это будет слияние ваше с народом» [19, с. 219].

Есть сведения, что на совещании министров император решил, что явится на следующий день в Думу и объявит о своей воле – о даровании ответственного министерства, в чем нашел полную поддержку у последнего председателя Совета министров князя

Н.Д. Голицына. Однако тем же вечером Голицына вновь потребовали во дворец, и Николай II сообщил ему об изменении своего решения и отъезде из столицы [21, с. 220]. Есть много оснований предполагать, что отказаться от уже принятого решения царя заставила его жена. В письме от Александры Фёдоровны, оставленном ею 22 февраля при прощании с отъезжавшим в Ставку мужем уже в вагоне его поезда, она повторяет свою прежнюю сентенцию о «властной руке», которая требуется русским. «Ты никогда не упустил случая, показать любовь и доброту, – дай им теперь почувствовать порой свой кулак. Они сами просят этого – сколь многие недавно говорили мне: “нам нужен кнут”... Они должны научиться бояться тебя – любви одной мало. Ребенок, обожающий своего отца, всё же должен бояться разгневать, огорчить или послушаться его! Надо играть поводами: ослабить их, подтянуть, но пусть всегда чувствуется властная рука. Тогда доброта больше будет цениться, мягкость одну они не понимают» [18, с. 208–209].

Учитывая это, понятны разговоры в великокняжеской среде о необходимости заточения Александры Федоровны в монастырь для предотвращения её вредного влияния на царя. Понятно и то, почему члены императорской фамилии дружно вступились за великого князя Дмитрия Павловича – участника убийства Распутина. Но перерос ли их сговор в заговор? Нет. Для этого им не доставало многого, и, прежде всего единства представлений о династическом будущем, отсюда разброс «предложений» – удаление Александры Федоровны при сохранении Николая II на престоле; переход престола к Алексею

при регентстве Михаила Александровича, переход престола Михаилу Александровичу, переход престола Николаю Николаевичу. Ни один из этих вариантов не обеспечивал даже минимального единения – большинство понимало, что Николай II не смирится с удалением супруги, даже если временно будет вынужден на это согласиться. Алексей на престоле не гарантирует от возвращения к реальной власти его родителей (тем более, что хотя о гемофилии наследника не знали, но его болезненность секретом не была). Михаил Александрович не пользовался авторитетом среди родственников и в стране, создавал проблемы и его мorganатический брак. Воцарение Николая Николаевича с учетом его низкой династической позиции (отдаленности от права наследования) создавало опасный прецедент.

Кроме того, для переворота нужна в распоряжении реальная сила, которой можно воспользоваться и которой ни один из великих князей на конец 1916 г. уже не имел. Таким образом, великие князья могли поддержать переворот, но не организовать его.

Другое дело – военная верхушка, в распоряжении которой была реальная сила. Сторонники теории заговора подчеркивают наличие единой связи между царскими генералами и думской оппозицией, которой способствовало их участие в масонских организациях. Правда, они признают: «Беспорных доказательств об их (Гучкова, Алексеева, Рузского, Гурко. – Ю.А., Я.С.) принадлежности к масонству у нас нет», считая, что достаточно доказательств косвенных [5, с. 65].

Из воспоминаний бывшего председателя Государственной думы вовсе

не следует, что во время его посещения фронтов и Ставки он вёл какие-то переговоры на этот счёт с генералами, хотя М.В. Родзянко и признаёт, что информацией о положении в стране и о ходе войны обменивался. А вот Гучков был не прочь присвоить себе лавры закопёрщика, посвящавшего в свои замыслы переворота генералов, в том числе начальника Штаба верховного главнокомандующего М.В. Алексеева. Но их последняя беседа в Могилёве происходила в октябре 1916 г., после чего приболевший Алексеев уехал лечиться в Крым, где и находился чуть ли не до самой революции. И если тут какая-то интрига имелась, то исходила она от императрицы Александры Фёдоровны, которая писала мужу, что Алексееву «Бог послал болезнь, — очевидно, с целью спасти тебя от человека, который сбился с пути и приносит вред тем, что слушает дурных писем и людей... а также за его упрямство» [18, с. 156].

Сторонники идеи заговора всё время сами себе противоречат. Заявляют об участии Алексеева в заговоре, плане ареста императора в поезде, но признают, что 27 февраля Алексеев уговаривал царя не покидать Ставки, хотя и не очень ретиво. Потому что план захвата еще не был готов? А как же опасность использования Николаем фронтовых частей для подавления переворота? Если Алексеев и Рузский были в стоворе с Гучковым, то почему они 28 февраля не ставили вопрос об отречении, а только об ответственном министерстве? Интересно, что свидетель разговора Рузского с царем 2 марта отмечал досаду и раздражение в голосе командующего войсками Северного фронта, когда он произнес: «Теперь уже трудно

что-то сделать, давно настаивали на реформах, которые вся страна требовала... не слушались... теперь придется, быть может, сдаваться на милость победителя...» Если Рузский был заговорщиком, то с чем связана эта досада?

В качестве косвенного доказательства военного заговора приводятся воспоминания Деникина, где описывался план захвата императорского поезда. Но воспоминания были изданы в 1921 г. и при внимательном изучении текста становится ясно: Деникин пишет не о том, что знал до событий февраля – марта 1917 г., а, как многие эмигранты-мемуаристы, вплетает в ткань своих мемуаров воспоминания других (например, П.Н. Милюкова) и документы эпохи, в том числе пользуясь сведениями, зафиксированными в послереволюционных статьях, показаниях и т.п. главного подозреваемого – Гучкова.

И тут встает принципиальный вопрос: а насколько можно доверять Гучкову? Не преувеличивал ли он степень организованности заговора, ведь всем деятелям 1917 г. было так свойственно преувеличивать свои заслуги в крушении «старого режима»? Но даже если доверять Гучкову о факте достижения высокой степени единства в намерениях совершить переворот, то почему бы не доверится и его признанию, что техническая сторона дела еще «хромала» (т.е. реальной силы у «заговорщиков» в распоряжении еще не было – надежной смычки с военной верхушкой еще не произошло). «Вся вина русского общества, – говорил Гучков, – заключается в том, что переворот был сделан не руководящими классами общества, не политическими и общественными деятелями, не верхами армии, а был

сделан стихийными массами» [17, с. 278]. Что из этих слов следует? А только то, что даже если у Гучкова и был замысел произвести государственный переворот, осуществлён он был не им, не «верхами», а «низами», причём, как мы знаем, вопреки «верхам».

Сторонники концепции масонского заговора упирают на показания Н.В. Некрасова о действиях по блокировке царского поезда в марте 1917 г. При этом, ссылаясь на публикацию показаний, подготовленную В.В. Поликарповым и В.В. Шелохаевым, они полностью игнорируют замечание одного из публикаторов: «Мало кто из историков долго ломал голову, какого жанра повествования довелось писать и подписывать в тридцатые годы деятелям старого режима, сгинувших в застенках НКВД» [10, с. 14].

Сторонники теории заговора, как нынешние историки и публицисты, так и консервативно настроенные современники событий 1917 г., отрицают революцию, считая эти события государственным переворотом, осуществленным буржуазией и интеллигенци-

ей, к которым примкнули изменщики из придворной, бюрократической и военной среды. «Глупость или измена?» – спрошу я. «Измена!» – отвечу убежденно», – пишет кн. В.А. Друцкой-Соколинский [9, с. 252]. Но в тех же своих записках он отмечает, что «слова Николая II о том, что “всюду предательство и измена”, относятся без исключения ко всей русской нации, как к ее верхам, так и ко всему народу и ко всему войску» [9, с. 228]. Сравнивая отречение Николая II и Наполеона в 1814 г., он подчеркивает, что наполеоновские гвардейцы оставались верны своему императору, а у Николая даже его личный конвой пошел в Государственную думу на поклон революции. И хотя вину за это автор простых солдат снимает и возлагает на офицеров, но вопрос: «можно ли считать изменой и заговором отказ народа подчиняться полностью дискредитировавшему себя правителю?» вряд ли предполагает в современном обществе утвердительный ответ.

Статья поступила в редакцию 03.08.2018

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Багдасарян В.Э., Реснянский С.И. Поиск «масонского заговора» и кризис правой идеологии в предреволюционной России // Вопросы истории. 2017. № 9. С. 3–15.
2. Бенуа А.Н. Мой дневник: 1916–1917–1918. / Подготовка текста и комментарии Н.И. Александровой и др. М.: Русский путь, 2003. 699 с.
3. Блок А. Возмездие // Блок А. И невозможное возможно... Стихотворения, поэмы, театр, проза. М.: Молодая гвардия, 1980. С. 6–9.
4. Богословский М. М. Дневники. 1913–1919. М.: Время, 2011. 797 с.
5. Брачев В.С. Русское масонство XX века. СПб.: Стомма, 2000. 256 с.
6. Брюсов В. Тринадцатый месяц // Брюсов В. Мировое состязание. Политические комментарии 1902–1924. М.: АИРО-XX, 2003. С. 156.
7. Гумилёв Н. Гондла // Русская мысль. 1917. № 1. С. 66–97.
8. Донесения Л.К. Куманина из Министерского павильона Государственной думы, декабрь 1911 – февраль 1917 года. // Вопросы истории. 2000. № 4–5. С. 3–27.
9. Друцкой-Соколинский В.А., кн. На службе Отечеству. Записки русского губернатора. 1914–1918. М.: Русский путь, 2010. 320 с.

10. Из следственных дел Н.В. Некрасова 1921, 1931, и 1939 гг. Публ. В.В. Шелохаева и В.В. Поликарпова // Вопросы истории. 1998. № 11–12. С. 10–48.
11. Кравков В.П. Великая война без ретуши: Записки корпусного врача. М.: Вече, 2014. 414 с.
12. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 36. С. 263
13. Мельгунов С.П. На путях к дворцовому перевороту (Заговоры перед революцией 1917 года). Париж: Родник, 1931. 233 с.
14. Мультатули П.В. «Господь да благословит решение мое...» Император Николай II во главе действующей армии и заговор генералов. СПб.: Держава; Сатись, 2002. 348 с.
15. Мультатули П.В. Февральский переворот 1917 года: причины и организаторы // Москва: Журнал русской культуры. 2017. № 4. С. 125–128.
16. Орешников А.В. Дневник. Кн. 1. 1915–1924. / Сост. П.Г. Гайдуков и др. М.: Наука, 2010. 657 с.
17. Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. Т. VI. Л.: Государственное издательство, 1926. 415 с.
18. Переписка Николая и Александры Романовых. 1916–1917 гг. Том V. М.-Л.: Государственное издательство, 1927. 303 с.
19. Письма чиновника А.А. Клопова царской семье (Вступительная статья и примечания В.И. Старцева) // Вопросы истории. 1991. № 2–3. С. 204–222.
20. Платонов О.А. Загадка Сионских протоколов. М.: Родная страна, 2015. 398 с.
21. Родзянко М.В. Крушение империи. Л.: Прибой, 1927. 270 с.
22. Совецание прогрессистов // Московский листок. 1917. 12 янв.
23. Степун Ф.А. (Н. Лугин). Из писем прапорщика-артиллериста. Томск: Водолей, 2000. 191 с.
24. Фурсов А. Кто на самом деле правит миром? // Комсомольская правда. 2014. 21 сент.
25. Хин-Гольдовская Р.М. Из дневников 1913–1917 // Минувшее. Исторический альманах. Вып. 21. СПб.: Atheneum; Феникс, 1997. С. 521–526.

REFERENCES AND SOURCES

1. Bagdasaryan V.E., Resnyanskii S.I. [Search for "Masonic conspiracy" and the crisis of the right-wing ideology in pre-revolutionary Russia]. In: *Voprosy istorii*, 2017, no. 9, pp. 3–15.
2. Benua A.N. *Moi dnevnik: 1916–1917* [My diary: 1916–1917]. Preparation of the text and comments by N. Alexandrova. Moscow, Russkii put' Publ., 2003. 699 p.
3. Blok A. *Vozmezdie* [Retribution]. In: Blok A. *I nevozmozhnoe vozmozhno... Stikhotvoreniya, poemy, teatr, proza* [Block A. And the impossible is possible... poetry, theater, prose]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 1980, pp. 6–9.
4. Bogoslovskii M.M. *Dnevnik. 1913–1919* [Diaries. 1913–1919]. Moscow, Vremya Publ., 2011. 797 p.
5. Brachev V.S. *Russkoe masonstvo XX veka* [Russian Freemasonry of the twentieth century]. SPb., Stomma Publ., 2000. 256 p.
6. Bryusov V. *Trinadtsatyi mesyats* [Thirteenth month]. In: Bryusov V. *Mirovoe sostyazanie. Politicheskie kommentarii 1902–1924* [Brusov V. World competition. Political comments 1902–1924]. Moscow, AIRO-XX Publ., 2003. 156 p.
7. Gumilev N. [Handle]. In: *Russkaya mysl'*, 1917, no. 1, pp. 66–97.
8. Doneseniya L.K. [Kumanin should be expelled from the Ministerial pavilion of the State Duma, December 1911 and February 1917]. In: *Voprosy istorii*, 2000, no. 4–5, pp. 3–27.
9. Drutskoi-Sokolinskii V.A. kn. *Na sluzhbe Otechestvu. Zapiski russkogo gubernatora*. 1914

- [In the service of the Fatherland. Notes of a Russian Governor. 1914]. Moscow, Russkii put' Publ., 2010. 320 p.
10. [From the investigation of cases N.V. Nekrasov 1921, 1931, and 1939. Publ. by Shelokhaev V.V. and V.V. Polikarpov]. In: *Voprosy istorii*, 1998, no. 11–12, pp. 10–48.
  11. Kravkov V.P. Velikaya voina bez retushi: Zapiski korpusnogo vracha [The great war without retouching: Notes of the corps doctor]. Moscow, Veche Publ., 2014. 414 p.
  12. Marks K., Engel's F. Sochineniya. 2-e izd. T. 36 [Works. 2d ed. Vol. 36], pp. 263.
  13. Mel'gunov S.P. Na putyakh k dvortsovomu perevorotu (Zagovory pered revolyutsiei 1917 goda) [On the way to a Palace coup (Plots before the revolution of 1917)]. Paris, Rodnik Publ., 1931. 233 p.
  14. Mul'tatuli P.V. «Gospod' da blagoslovit reshenie moe...» Imperator Nikolai II vo glave deistvuyushchei armii i zagovor generalov ["Lord bless my decision..." the Emperor Nicholas II at the head of the army and the conspiracy of the generals]. SPb., Derzhava; Satis" Publ., 2002. 348 p.
  15. Mul'tatuli P.V. [The February revolution of 1917: causes and organizers]. In: *Moskva: Zhurnal russkoi kul'tury*, 2017, no. 4, pp. 125–128.
  16. Oreshnikov A.V. Dnevnik. Kn. 1. 1915–1924 / Sost. P.G.Gaidukov i dr. [Diary. Book 1. 1915–1924 / Comp. P. G. Gaidukov, etc]. Moscow, Nauka Publ., 2010. 657 p.
  17. Padenie tsarskogo rezhima. Stenograficheskie otchety doprosov i pokazanii, dannyykh v 1917 g. v Chrezvychainoi sledstvennoi komissii Vremennogo pravitel'stva. T. VI [The fall of the tsarist regime. Verbatim records of the interrogations and depositions in 1917 given to the Extraordinary Commission of Inquiry of the provisional government. Vol. VI]. L., Gosudarstvennoe izdatel'stvo Publ., 1926. 415 p.
  18. Perepiska Nikolaya i Aleksandry Romanovykh. 1916 [Correspondence of Nikolas and Alexandra Romanovs. 1916]. Vol. V. M.-L., Gosudarstvennoe izdatel'stvo Publ., 1927. 303 p.
  19. [Letters of the official A. A. Klopov to the Tsar family (Introductory article and notes by V. I. Startsev)]. In: *Voprosy istorii*, 1991, no. 2-3, pp. 204–222.
  20. Platonov O.A. Zagadka Sionskikh protokolov [The mystery of the protocols of Zion]. Moscow, Rodnaya strana Publ., 2015. 398 p.
  21. Rodzyanko M.V. Krushenie imperii [The collapse of the Empire]. L., Priboi Publ., 1927. 270 p.
  22. Soveshchanie progressistov (A meeting of the progressists). In: *Moskovskii listok*, 1917, 12 Jan.
  23. Stepun F.A. (N.Lugin). Iz pisem praporshchika-artillerista [(N. Lugin). From the letters of a warrant officer-artilleryman]. Tomsk, Vodolei Publ., 2000. 191 p.
  24. Fursov A. Kto na samom dele pravit mirom? (Who really rules the world?). In: *Komsomol'skaya pravda*, 2014.
  25. Khin-Gol'dovskaya R.M. [From the diary 1913–1917]. In: *Minuvshee. Istoricheskii al'manakh*, no. 21. СПб.: Atheneum; Fenix, 1997, pp. 521–526.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Аксютин Юрий Васильевич – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры новейшей истории России Московского государственного областного университета;
e-mail: aksyutin37@mail.ru

Соловьев Ян Валерьевич – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории России средних веков и нового времени Московского государственного областного университета;
e-mail: solyan@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Yurii V. Aksyutin – Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of the Contemporary History of Russia, Moscow Region State University;
e-mail: aksyutin37@mail.ru

Yan V. Soloviev – PhD in History, Associate Professor, Assistant Professor of the Department of the History of Russia of the Middle Ages and Modernity, Moscow Region State University;
e-mail: solyan@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Аксютин Ю.В., Соловьев Я.В. А был ли заговор? К предыстории Великой российской революции // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2018. № 4. С. 157–172.

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-4-157-172

FOR CITATION

Aksyutin Yu., Soloviev Ya. Was there a plot? On the prehistory of the Great Russian revolution. In: *Bulletin of Moscow State University. Series: History and Political Sciences*, 2018, no. 4, pp. 157–172.

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-4-157-172